

Говард Филлипс Лавкрафт

Клиффорд Мартин Эдди-младший

Любимые мертвецы

(The Loved Dead)

Сейчас середина ночи. До наступления зари за мной придут, а потом запрут в черной клетке, где я буду неопределенно долго чахнуть, в то время как ненасытные желания будут глотать мои внутренности и терзать мое сердце до тех пор, пока я не стану единым целым с мертвецами, которые господствуют надо мной.

Это место - ужасная могила в древнем склепе; доской, на которой я пишу, служит кусок таблички, упавшей и источенной неумолимым течением веков. Единственным источником света являются звезды и, время от времени, узкий серп Луны, хотя я могу видеть так ясно, словно снаружи полдень. Вокруг меня, подобно похоронным часовым, охраняющим пришедшие в запустение гробницы, лежат ветхие обломки табличек, наполовину покрытые отвратительными массами гниющей травы. На фоне сумеречного неба ярко вырисовывается высокий торжественный монумент с сужающейся кверху изящной капителью, похожей на призрачный хвост какой-то фантастической лошади.

В разреженном воздухе витают зловоние грибов и тлетворный запах сырой глинистой земли, но мне они кажутся ароматами Элизиума. Везде царит спокойствие - ужасающее спокойствие, чья напряженная тишина обещает знаменательные события и страшные вещи. Тот, кто сумел бы проникнуть в мое обиталище, обнаружил бы здесь своеобразный город потрескавшихся костей и разложившейся плоти. Их близость дарует моей душе экстатический холод, ускоряя течение крови в моих венах и заставляя трепетать мое слабеющее сердце в исступленном веселье... Ибо существование смерти - жизнь для меня!

Мое раннее детство было полно одной долгой, банальной и монотонной апатии. Я был аскетичным, хилым, до крайности бледным и склонным к погружению в продолжительные мрачные раздумья ребенком. Нормальные, здоровые сверстники избегали меня. Они прозвали меня «старым» брюзгой, поскольку меня не интересовали их шумные примитивные игры, в которых у меня к тому же не было сил принимать участие, даже если бы я хотел.

Как и во всех маленьких городках, некоторые люди в Фенхэме отличались весьма ядовитым языком. Их вредоносные измышления довели мой летаргический темперамент до состояния какой-то отвратительной извращенности; сравнивая меня с моими родителями и отмечая огромную разницу, они качали головами в зловещем сомнении. Некоторые из наиболее суеверных людей открыто указывали на меня как на мальчика из потустороннего мира, в то время как другие, кое-что знавшие о моих предках, обращали внимание на расплывчатые и туманные слухи о демоническом существе, сожженном в пламени костра некромантом.

Возможно, живи я в крупном городе, где у меня имелось бы больше возможностей завести друзей, эта ранняя тенденция к изоляции прошла бы. Достигнув юношеского возраста, я стал еще более мрачным, тоскливым и апатичным. Моя жизнь была лишена побудительных мотивов. Казалось, что я заключен в тюрьму своих ощущений, связавших мое развитие и препятствующих моей деятельности, и это наполняло меня неизъяснимой неудовлетворенностью.

В шестнадцать лет я впервые пришел на похороны. Погребение в Фенхэме было событием важнейшего общественного значения, так как наш городок характеризовался долгожительством своих обитателей. Когда вдобавок покойником была хорошо известная персона, а именно один из моих дедов, можно было быть уверенным в том, что весь город соберется, чтобы отдать дань уважения его памяти. Но я не испытывал к предстоящей церемонии даже мимолетного интереса. Любой предмет, который лишь начинал выводить меня из моего обыкновенного инертного состояния, представлял угрозу физического и умственного беспокойства.

Поддавшись давлению родителей, пытавшихся убедить меня путем едких замечаний по поводу моего недостаточного сыновнего почтения, я согласился сопровождать их. В похоронах моего деда не было ничего, выходящего за рамки обычных вещей, кроме внушительного количества принесенных цветов; но именно они, насколько я помню, стали моими проводниками в торжественных ритуалах во время этого события. Нечто в темных покрывалах, обтягивающих овальный гроб на его пути в мир тени, наряду с бесформенными кучами венков и демонстрацией скорби на лицах некоторых из религиозных горожан, захватило мое внимание, рассеяв прежнюю апатию. Высказав про себя короткие слова благодарности матери, я последовал за процессией вплоть до склепа, где лежали тела других моих предков.

Прежде всего, это место было богато видами Смерти. Я рассматривал мертвые лица, застывшие и изборожденные бесконечным числом морщин и не выражавшие ничего, что вызывало бы какую-то особенную печаль. Наоборот, мне показалось, что мои предки были безмерно довольны и покоились в безмятежной удовлетворенности. Я содрогнулся от какого-то странного, пугающего чувства возрастающего веселья. Столь мягко, столь незаметно оно окружало меня, едва ли давая возможность точно определить его наступление. Поскольку мне трудно вспомнить этот удивительный момент, я полагаю, что он настал тогда, когда я бросил первый взгляд на гробницу, чьи еле различимые стены сужались внутрь. Опасное, губительное воздействие, казалось, исходит от этих трупов, привлекших меня своим магнетическим очарованием. Мое собственное тело как будто наполнилось статическим электричеством, и я чувствовал, что оно напряглось помимо моей воли. Мой взор пытался проникнуть под опущенные веки покойников и прочесть хранившееся там тайное послание. Сердце внезапно заколотилось в нечестивом ликовании, колотя по ребрам с демонической силой, словно стремясь освободиться от этих решеток моей телесной темницы. Дикое, безудержное чувство радости поглотило меня.

Еще раз сильное материнское влияние вернуло меня к реальности. На словно налитых свинцом ногах я дотащился до облаченного в черную ткань гроба, а затем пошел прочь, обретя ранее неизвестную мне энергию. Я сопровождал процессию на пути с кладбища,

ощущая, как моя физическая сущность наполняется мистическими жизненными потоками, словно я выпил какой-то экзотический эликсир... какой-то ужасный яд, приготовленный по кощунственной формуле из архивов Белиала. Присутствовавшие на церемонии люди совершенно исчезли из поля моего зрения, так как во время произошедших со мной изменений я не замечал никого, кроме родителей. В течение последующих двух недель местные острословы нашли новый материал для своих язвительных разговоров по поводу моего изменившегося поведения.

Однако через полмесяца сила нового жизненного стимула начала снижаться. Наконец, за один или два дня я совершенно вернулся к прежнему застою, хотя он не был в точности похож на абсолютную безжизненность прошлого. Раньше было полное отсутствие желания преодолеть апатию; теперь меня тревожило смутное, неопределенное беспокойство. На улице все стало, как обычно, и злые языки искали какой-либо другой, более подходящий предмет для обсуждения. Они, или, по крайней мере, те, кто догадывался об истинной причине моего оживления, сторонились меня, словно прокаженного или богохульника. Я же с отвращением осознавал необходимость скрываться после моего короткого периода радости, понимая, что это навсегда изолирует меня от остального мира, вынуждая провести оставшуюся жизнь в горьком одиночестве.

Беды часто следуют одна за другой, и по этой причине, несмотря на пресловутое долгожительство горожан, через пять лет смерть забрала моих родителей. Первой умерла мать; это случилось в результате странного происшествия. Моя печаль была столь искренней, что я несказанно удивился, ощутив, как она вытесняется и разрушается тем почти забытым всеобъемлющим чувством дьявольского экстаза. Вновь мое сердце бешено застучало с какой-то космической страстью, с галопирующей скоростью посылая горячую кровь по венам. Я сбросил с плеч мантию усталого бездействия, лишь для того, чтобы заменить ее грузом бесконечно более страшным - грузом гнусного, нечестивого желания. Я смотрел на погребальное помещение, где лежало тело матери; моя душа жадно поглощала тот чудовищный нектар, который, казалось, пропитал воздух темной усыпальницы. Каждый вздох оживлял меня, вознося до невероятных пределов неземного наслаждения.

Теперь я знал, что это было подобно исступлению, вызываемому наркотиками, и что вскоре оно оставит меня, томимого желанием вновь обрести волшебную силу. Но я был более не способен контролировать свою страсть, которая могла разорвать гордые узлы, почти намертво спутавшие нить моей судьбы. Слишком хорошо мне было ведомо, что неким загадочным сатанинским способом смерть стала двигательной силой моей жизни, особенностью моего устройства, которая отвечала только на ужасный вид чьего-то безжизненного тела.

Спустя несколько дней, под конец того вызванного демоническим отравлением лихорадочного состояния, от которого полностью зависело мое существование, я случайно встретился с фенхэмским могильщиком и обратился к нему с просьбой принять меня в качестве ученика. Потрясение от смерти матери заметно повлияло на моего отца. Поначалу, надеясь на иное применение моих сил, он воспринял это намерение как безумство и энергично воспротивился. Однако затем, некоторое время трезво поразмыслив, он согласно кивнул.

Можно ли было предугадать, что объектом моего первого практического урока будет отец? Он также умер внезапно, вследствие какой-то болезни сердца, которую не ожидал никто из врачей. Мой восьмидесятилетний наставник всеми средствами пытался отговорить меня от выполнения тяжелой задачи по бальзамированию тела; едва ли он заметил торжествующий блеск в моих глазах, когда, наконец, я добился его одобрения.

Как мне выразить те бурные эмоции и мысли, что беспорядочными волнами экстаза затопляли мое неистово бьющееся сердце, пока я работал с этим лишенным жизни телом? Безудержная любовь была ключом моих ощущений, великая любовь – гораздо более сильная, нежели та, что я испытывал к отцу, когда он был жив.

Мой отец не был богат, но у него имелось достаточно собственности, позволявшей семье вести независимое существование. Будучи его единственным наследником, я оказался в парадоксальной ситуации. Моя ранняя юность была историей тотальных неудач при общении с современным миром; но простая жизнь Фенхэма, с ее комфортной изолированностью, утратила для меня привлекательность. К тому же долгожителюство его обитателей ставило крест на единственной причине, которая могла удерживать меня. Продажа имущества дала мне средства, надежно обеспечившие выход отсюда, и я переехал в расположенный примерно в 50 километрах город Бэйборо.

Здесь годовой опыт моего обучения оказался чрезвычайно полезен. У меня не возникло проблем с назначением ассистентом в корпорации Гришэма – компании, которая помпезно проводила самые главные похороны в городе. Позже меня повысили в должности, и я даже добился того, что мне разрешили ночевать в учреждении... поскольку стал почти одержим близостью смерти. Она придавала мне во время работы необычайную страсть, и ничто не было чересчур ужасным для моей пылкой чувствительности. Каждый новый труп, принесенный в контору, означал многообещающее возрождение непристойной радости и кошунственных удовольствий, возвращение к пленительному буйству крови в моих сосудах, которые преобразовывали неприятный труд в преданное служение... хотя каждое сексуальное наслаждение имеет свою цену. Я стал ненавидеть дни, которые не приносили мертвецов, придающих мне свежие силы, и тогда взывал ко всем нечестивым богам из адских бездн, чтобы они даровали быструю и легкую смерть жителям города.

Затем наступили ночи, когда призрачная фигура незаметно скользила по темным переулкам пригородов; черные, подобные волчьей пасти, ночи, когда луна скрывалась за тяжелыми низкими облаками. Эта таинственная фигура кралась среди деревьев и бросала назад боязливые взгляды; силуэт человека, исполняющего какую-то зловещую миссию. После одной из таких ночей утренние газеты сообщили своим жаждущим сенсаций читателям подробности кошмарного преступления; тревожные абзацы повествовали об ужасных, отвратительных изуверствах. В удивительных статьях высказывались самые невероятные мнения и предположения. Я же чувствовал себя в полной безопасности, ибо вряд ли можно было бы заподозрить того, кто занимается похоронными церемониями (когда Смерть только и занимает дневных существ): неужели он оставит свои и без того мрачные обязанности для того, чтобы отнимать чью-то жизнь?

Каждое преступление планировалось мною с дьявольской тщательностью; мои методы убийств были столь разнообразны, что никто не смог бы предположить, что они

совершаются всего лишь парой запятнанных кровью рук. Результаты каждого ночного рейда означали для меня часы неопишуемых удовольствий, бесстыдных и чудовищных; удовольствия всегда возрастали от возможности того, что их восхитительный источник позднее подвергнется моей ласковой заботе во время исполнения обычных профессиональных обязанностей. Иногда это двойное удовольствие имело место...

О, эти маленькие прелестные воспоминания! Во время долгих ночей, когда я надеялся на потаенность своего убежища, тишина мавзолея побуждала меня изобретать новые неизменные способы выражать заботу и нежность к мертвецам, которых я любил... мертвецам, которые давали мне жизнь!

Однажды утром мистер Гришэм пришел гораздо раньше обычного... пришел и обнаружил меня, возлегающего на холодной плите и погруженного в чудовищные грезы. Мои руки обвивали застывшее обнаженное тело источающего зловоние трупа. С глазами, полными смешанных чувств отвращения и сострадания, он оторвал меня от моих похотливых мечтаний. Благожелательно, но настойчиво он стал убеждать меня в том, что мои нервы расшатаны, и что мне требуется длительный отдых от этой жуткой работы. Он говорил, что моя деликатная юная натура подверглась слишком сильному влиянию нездоровой атмосферы этого места. Как мало он знал о демонических желаниях, которые возбуждали мою проклятую ненормальность! Я был достаточно благоразумен для того, чтобы понимать, что своим ответом лишь укреплю его веру в мое возможное безумие... и что гораздо лучше промолчать, нежели пытаться объяснить тайные причины моих деяний.

После этого я более не осмеливался оставаться долго на одном месте, поскольку мною овладел страх того, что какое-то необдуманное действие разоблачит мою тайну перед безжалостным миром. Я скитался от города к городу, от деревни к деревне. Я работал в моргах, на кладбищах, один раз – в крематории; короче говоря, везде, где мне предоставлялась возможность оказаться рядом с мертвецами, которых я так страстно жаждал.

Затем началась Мировая война. Я был в числе первых, кто отправился в Европу, и среди последних, покинувших ее. Четыре года кровавого смертельного Ада... ползание в осклизлой, разлагающейся под дождем шинели... яростные оглушительные взрывы снарядов... монотонное гудение язвительных пуль... клокочущее безумие фонтанов Флегетона... удушающие клубы ядовитых газов... гротескные останки раздавленных, раскромсанных тел... четыре года необыкновенного удовлетворения.

У каждого странника рано или поздно появляется скрытое желание вернуться к местам его детства. Через несколько месяцев после окончания войны я вновь шествовал по привычным улочкам Фенхэма. Пустые разоренные фермы выстраивались вдоль дорог по мере того, как с годами город постепенно клонился к упадку. Считанное число зданий было заселено, но среди них был одно – то, которое я прежде называл родным домом.

Заброшенная, заросшая травой дорога, разбитые оконные ставни, неухоженная земля, расстилавшаяся позади – все служило безмолвным свидетельством того, что, согласно наведенным мною справкам, в моем бывшем доме поселился дегенеративный пьяница. Он получал скудные средства от своих немногочисленных соседей, помогавших ему

только ради его несчастной, терпящей ежедневные побои жены и постоянно голодного ребенка. В общем, тот романтический ореол, что окружал мое детское обиталище, совершенно рассеялся. Побуждаемый какой-то странной склонностью, я направился в Бэйборо.

Здесь время также вызвало перемены, но противоположного свойства. Тот маленький городишко, что я помнил, почти вдвое увеличил население, несмотря на убыль, характерную для периода войны. Инстинктивно я принялся искать место своей бывшей работы и обнаружил, что оно не сменило адрес, однако называется иначе, поскольку эпидемия гриппа унесла мистера Гришэма, а его дети были за границей.

Роковое настроение толкнуло меня обратиться сюда за работой. С некоторым волнением я сослался на свое обучение у Гришэма, но мои страхи были безосновательны – он унес тайну моего безобразного поведения с собой в могилу. Представившаяся вакансия обеспечила мое немедленное возрождение.

И тогда на меня нахлынули прежние воспоминания об искрометных ночах нечестивых походов, и вновь охватило неуправляемое желание запретных наслаждений. Я забыл об осторожности и предался новым сериям ужасающих оргий. Опять у бульварных газет появился свежий материал для живописания дьявольских деталей моих преступлений, которые не уступали в сравнении с кровавыми неделями кошмара, терзавшего город несколько лет назад. Снова полиция раскинула свои хитроумные сети – но не обнаружила в них ничего!

Моя жажда зловредного нектара смерти переросла в бешеный пожар, и я стал сокращать промежутки между экзотическими авантюрами. Я понимал, что хожу по зыбкой почве, но демоническая потребность сдавила меня в своих беспощадных щупальцах и толкала все дальше.

Мое сознание становилось все более и более безучастным к любым внешним воздействиям, кроме тех, что насыщали мою безумную страсть. Всякие мелочи, жизненно важные для того, кто погрузился в столь жуткие занятия, не трогали меня. Где-то, не знаю, каким образом, я оставил едва заметный след, смутную улику – недостаточную для ареста, но направившую волну подозрения в мою сторону. Я чувствовал, что за мной наблюдают, но моя изнуренная душа была бессильна сопротивляться зловещему зову мертвецов.

Затем настала ночь, когда резкие свистки полицейских застали меня, крепко сжимавшего в руке окровавленную бритву, за чудовищной забавой с трупом моей последней жертвы. Одним проворным движением я сложил лезвие и спрятал бритву в кармане плаща. Дубинки уже выбивали громкую дробь на двери, когда я разбил стулом окно, поблагодарив Судьбу за то, что выбрал для поселения один из самых дешевых кварталов. Только я выбрался на плохо освещенную аллею, как пятна синих униформ мелькнули за ломающейся дверью. Я перемахнул через шаткий забор, пробежал несколько грязных задних дворов и очутился среди каких-то убогих ветхих домишек, на погруженной в туман улочке. В тот момент я подумал о лесных болотах, расположенных за пределами города и простиравшихся на добрую сотню миль, вплоть до окраин Фенхэма. Если бы я мог достигнуть их, мне удалось бы обрести временную безопасность.

До рассвета я долго брел вглубь мрачной пустоши, спотыкаясь о гнилые корни почти мертвых деревьев, чьи ветви торчали в стороны подобно причудливым рукам, пытающимся помешать мне своими настойчивыми объятьями.

Должно быть, по пути через гибельное болото моими ногами управляли какие-то демоны, посланные проклятыми богами, к которым я обращал свои языческие молитвы. Всю последующую неделю я прятался в лесу в миле от Фенхэма, усталый, весь в грязи и полностью истощенный. Я так боялся преследователей, что вздрагивал от собственной тени. Я знал, что тревога объявлена по радио, и очень надеялся на то, что сумею сбить их со следа. Однако после первой безумной ночи я более не слышал чужих голосов и треска веток под ногами продирающихся сквозь чашу людей. Возможно, они решили, что мое тело валяется в каком-нибудь застывшем пруду или навеки исчезло в вязкой трясине.

Мои жизненные силы постепенно истощались из-за нестерпимого голода, терзавшего меня острой болью, в то время как глотка пересохла от мучительной жажды. Но еще большей была неудовлетворенность моей души, страдавшей от отсутствия новых стимулов, которые я мог найти только рядом с мертвецами. Мои ноздри трепетали при сладостных воспоминаниях. Я не мог долго обманывать себя мыслью о том, что это желание было просто прихотью разыгравшегося воображения. Теперь я знал, что оно стало неотъемлемой частью моей жизни, и что без него я угасну, как пустая лампа. Я собрал всю оставшуюся энергию с тем, чтобы насытить мой злополучный аппетит. Несмотря на возможно опасные последствия моего передвижения, я вышел на разведку, крадясь в густой тени, словно призрачный дух. Кроме того, я испытывал странное ощущение того, что меня сопровождал какой-то невидимый дьявольский спутник. Но даже моя погрязшая в грехах душа содрогнулась от отвращения, когда я достиг моего родного жилища.

И тогда будоражившие меня воспоминания поблекли, уступив место непреодолимому вожделению. За гнилыми стенами этого старого дома находилась моя новая добыча. Спустя мгновения я перебрался через одно из разбитых окон и оказался на подоконнике. Некоторое время я прислушивался; все мои органы чувств были настороже, каждый мускул был готов к действию. Кошачьей походкой я двигался по знакомым комнатам до тех пор, пока громкий храп не указал на место, где я мог найти конец своих страданий. Невольно я почувствовал волну зарождающегося экстаза, когда толчком открыл дверь спальни. Подобно пантере я направился к бесформенной куче, распростертой в пьяном ступоре. Жена и ребенок – где они? – что ж, они могут подождать. Мои цепкие пальцы сжались на его горле.

Через несколько часов я опять стал беглецом, но теперь во мне клокотала некогда утраченная, а теперь заново возвращенная энергия. Три безмолвных тела уснули, чтобы никогда более не проснуться. Еще до того, как яркий дневной свет проник в мое убежище, я осознал определенные последствия моего столь безрассудно обретенного облегчения. К этому времени трупы должны были быть обнаружены. Даже самым тупым сельским полицейским наверняка было под силу связать эту трагедию с моим бегством из ближайшего города. Кроме того, я был достаточно неосторожен для того, чтобы оставить некоторое очевидно доказательство своей причастности – отпечатки пальцев на шеях новых мертвецов.

Весь день я дрожал в нервном предчувствии. Обычный треск сухих веток под ногами вызывал в моем сознании образы, которые пугали меня. Той ночью, под защитным покровом темноты я пробрался на окраину Фенхэма и направился к лесам, расположенным за ним. Еще до рассвета появился первый определенный признак новой погони – отдаленный лай собак.

Всю долгую ночь я очень спешил, но к утру почувствовал, что моя искусственная сила померкла. Полдень ознаменовался еще более настойчивым зовом кошмарного проклятья, и я знал, что не выдержу этих скитаний, если не смогу вновь ощутить то экзотическое отравление, что происходило лишь от близости с любимыми мертвецами. Я двигался по широкому полукругу. Если мне удастся целенаправленно идти вперед, к полуночи я окажусь на кладбище, где я когда-то похоронил родителей. Я отчетливо осознавал, что моя единственная надежда заключается в том, чтобы достигнуть этой цели, прежде чем меня догонят. Вознося беззвучные молитвы дьяволам, господствовавшим над моей судьбой, я устремил отяжелевшие ноги в направлении моей последней крепости.

Боже! Неужели прошло всего двенадцать часов с того момента, как я начал путь к моей призрачной святыне? Каждый налитый свинцом час казался мне вечностью. Но все же я добрался до бесценного приза. Дурманящие миазмы этого мрачного места были для моей исстрадавшейся души словно ладан!

На горизонте заблестела первая полоска зари. Они идут! Мой тонкий слух уловил далекий собачий лай! Всего через несколько минут они найдут меня и навсегда упрячут от мира; остаток моих дней пройдет в сводящей с ума тоске, пока я, наконец, не присоединюсь к мертвецам, которых так люблю!

Но им не достать меня! Путь для побега открыт! Возможно, это выбор труса – но лучше, гораздо лучше, нежели бесконечные годы безымянного горя. Я оставлю эту запись с надеждой, что чья-нибудь душа, может быть, поймет смысл этого выбора.

Бритва! Она завалялась, позабытая, в моем кармане с момента побега из Бэйборо. Ее покрытое запекшейся кровью лезвие странно сверкает под бледными лучами света, испускаемыми тонким месяцем Луны. Одно режущее движение по моему левому запястью, и наступит освобождение...

Теплая свежая кровь причудливым образом течет по темным древним плитам... Фантастические орды встают над зловонными могилами... рождающиеся из тумана пальцы манят меня... волшебные отрывки нечеловеческих мелодий разносятся в небесном крещендо... далекие звезды пьяно танцуют под демонический аккомпанемент... тысячи крошечных молоточков нестройно колотят по наковальням моего погрузившегося в хаос разума... серые призраки погибших существ в безумной тишине шагают передо мной... жаркие языки невидимого пламени выжигают клеймо Ада на моей больной душе...

Я не могу... больше... писать...

Перевод: Борис Лисицин, 2004 год